

Бульон в кастрюле еще не закипел полностью, но ароматный запах уже поднимался вместе с паром, распространяясь по небольшой комнате, невероятно соблазнительный.

Это был второй этаж деревянного здания, выглядевшего довольно старым, но внутри было исключительно чисто и аккуратно.

Солнечный свет падал на деревянные оконные рамы, создавая очень спокойную и теплую атмосферу.

Е Чжицю невольно придвинулся ближе к свету и, повернув голову, спросил Цинь Цзяньхэ:

— Когда ты вернешься?

Цинь Цзяньхэ не ответил сразу, а наклонился и забрал тарелку с соусом, в которую было добавлено немного острого масла, и заменил ее новой.

Солнечный свет упал на его руку, держащую тарелку, и на часть предплечья, обнажившегося из-за закатанного рукава. Изящные, плавные линии мышц переливались в свете, невероятно красивые и невероятно сексуальные.

Невольно ресницы Е Чжицю слегка дрогнули, словно пушистая щеточка, заставляя сердце замирать от желания.

Цинь Цзяньхэ слегка опустил глаза, его взгляд был немного мрачным.

— Послезавтра самое позднее, возможно, завтра, — сказал он тихим голосом. — Мне нужно вернуться на очень важную встречу.

Бульон, наконец, закипел, мелкие пузырьки поднимались со дна и лопались на поверхности.

Цинь Цзяньхэ по привычке взял общие палочки и положил баранину в тарелку Е Чжицю.

— Бульон и соус в этом заведении довольно аутентичные, — сказал он. — Мне его раньше дядя Фу посоветовал.

— Дядя Фу? — спросил Е Чжицю.

— Да, — Цинь Цзяньхэ слегка улыбнулся. — Нынешний парень моей мамы.

Е Чжицю: ...

Популярность Не Фэнцзюнь в мире моды была делом давно минувших дней. В то время ее талант модельера и решимость пожертвовать прекрасными условиями и блестящим будущим за границей ради любви, чтобы вернуться в Китай и поддержать Цинь Суйшэна, начиная с нуля, были широко известны и обсуждались.

«Талант» и «любовь» — вот два самых важных ярлыка, которые были прикреплены к Не Фэнцзюнь в то время.

Е Чжицю узнал об этом, когда поступил в институт моды и на занятиях вместе с преподавателями изучал ее классические работы. В то время учителя любили приводить ее работы в качестве примера того, что называется вечной классикой.

Талант Не Фэнцзюнь покорила Е Чжицю, поэтому он специально изучал ее прошлое. Однако, когда он узнал о ней, она уже давно не была той красавицей-дизайнером.

В отличие от Цинь Цзяньхэ, она иногда появлялась на публике, но в основном на различных экономических и деловых переговорах. К тому времени она уже превратилась в самую настоящую бизнес-леди.

Раньше Е Чжицю не сравнивал себя с Не Фэнцзюнь. Для него женщина была недостижимой, божественной. Однако после перерождения он не раз чувствовал, что в их судьбах есть нечто общее.

Хотя Не Фэнцзюнь не пережила ничего столь трагичного, как он, предательство в любви, которое она испытала, было достаточно жестоким. За все эти годы о ней не было никаких новостей, связанных с любовными отношениями.

Е Чжицю думал, что, возможно, она, как и он, давно разочаровалась в любви и думает только о деньгах и карьере, поэтому ей удалось вывести "Жуй И" на такой высокий уровень.

Оказалось, что это не так.

Он не мог не чувствовать себя немного ошеломленным.

Оказывается, у Не Фэнцзюнь все еще есть смелость начать все сначала.

Он восхищался ее смелостью и решительностью, но в то же время еще острее ощущал одиночество и пустоту на своем пути.

— Что, немного удивлен? — слегка улыбнулся Цинь Цзяньхэ, заметив его легкое замешательство.

Только что опущенная в кастрюлю баранина уже сварилась, Цинь Цзяньхэ вытащил ее и положил в тарелку Е Чжицю.

— Не то чтобы, — Е Чжицю покачал головой, его выражение лица быстро вернулось в норму. — Учитель Не еще молода, вполне естественно, что она продолжает искать свое счастье.

— Да, — Цинь Цзяньхэ поднял на него глаза. — Моей маме пятьдесят три года, и у нее все еще есть смелость искать свое счастье...

Он сделал паузу и спросил:

— А что насчет вас, учитель Е?

— Меня? — Е Чжицю на мгновение опешил, а затем рассмеялся.

С юных лет Тао Жоцин намеренно формировала его образ. Избалованный, капризный, задиристый, непостоянный, неуч... Можно сказать, что он был ни на что не годен.

В то же время, из-за отсутствия чувства безопасности, он всегда недолюбливал тех парней, которые увивались за ним. Независимо от положения и статуса, он никогда не удостоивал их добрым взглядом...

Если бы за спиной Ци Синя не было Тао Жоцин, которая знала его и давала советы, то в прошлой жизни он, возможно, так и не встретил бы человека, к которому мог бы привязаться.

В глазах посторонних он, Е Чжицю, полагаясь на свою внешность, вел себя как капризная звезда и никогда не воспринимал мужчин всерьез.

Так что сейчас он, естественно, продолжал в том же духе.

После перерождения он намеренно слился с собой из прошлой жизни, до встречи с Ци Синем.

Теперь эта маска, вероятно, намертво прилипла к его лицу.

Е Чжицю не верил, что Цинь Цзяньхэ может что-то заподозрить.

— Разве мое счастье не в этой тарелке с мясом? — Е Чжицю посмотрел на Цинь Цзяньхэ с улыбкой, сквозь клубы пара от кипящего бульона, в его невероятно красивых глазах трудно было скрыть насмешку.

— Счастье — это то, что никогда не нужно искать, — сказал Е Чжицю с лукавой улыбкой. —

Оно никогда не находится в руках других людей, только в моих собственных.

Цинь Цзяньхэ спокойно смотрел на него и некоторое время молчал.

В каком-то смысле Е Чжицю был прав, потому что много лет назад у самого Цинь Цзяньхэ были такие же мысли. Но именно поэтому он ещё раз убедился, что юноша раньше, должен был пережить какую-то серьёзную психологическую травму.

У таких людей, как правило, есть одна общая черта: они никому не доверяют. И это как раз прямое проявление отсутствия чувства безопасности.

Цинь Цзяньхэ испытал это на себе.

— Почему ты так смотришь на меня? — Е Чжицю взял палочками кусок дымящейся баранины, поднёс к губам, подул и с улыбкой спросил. — Так сильно увлёкся мной?

Наверное, из-за того, что последние два дня он ел слишком много западной еды, даже несмотря на то, что это был бульон, но когда тонкий кусочек баранины попал ему в рот, Е Чжицю был приятно удивлён.

— Вкусно, — сказал он и, взяв приборы, положил немного в тарелку Цинь Цзяньхэ напротив. — Взаимная вежливость, господин Цинь.

Второй признак отсутствия чувства безопасности: нежелание быть в долгу. Сделал вывод Цинь Цзяньхэ.

В юности он пережил долгий период мрака. В шесть-семь лет, несмотря на весь свой страх, он должен был быть готов к тому, что может в любой момент потерять мать. Спустя столько лет ему всё ещё иногда снились те беспокойные времена, когда он не видел ни завтрашнего дня, ни будущего.

Несмотря на это, сейчас он был готов пробить твёрдую скорлупу, которая сковывала его девятнадцать лет, и попробовать быть с Е Чжицю.

Но Е Чжицю не готов.

Цинь Цзяньхэ не мог представить, через что прошёл парень. Это, должно быть, было очень больно. Настолько больно, что в его сердце не осталось ни единой искры.

Сердце словно кто-то сильно сжал, и внезапно нахлынула острая боль.

Цинь Цзяньхэ сохранял невозмутимое выражение лица, но среди этой острой боли в глубине души он невольно почувствовал лёгкое облегчение. Он был рад, что не отправил то сообщение с предложением «давай попробуем». Если бы он действительно отправил его в тот день, Е Чжицю наверняка бы холодно развернулся и ушёл.

Не говоря уже о том, что сейчас они могут сидеть лицом к лицу и есть хого, неизвестно, остался бы Е Чжицю работать в Q.L. или нет.

С самого начала тот никогда не скрывал от него своих несовершенств: мстительность по отношению к Цзян Наню, лицемерие и намеренная фальшь по отношению к Ци Синю, упрямство и резкость по отношению ко всем без исключения...

Цинь Цзяньхэ понимал, что Е Чжицю никогда не думал о том, чтобы быть с ним. Или, возможно, он вообще никогда не думал о том, чтобы быть с кем-либо. Не то чтобы он не хотел или ему было всё равно... Он просто боялся.

— Спасибо, — голос Цинь Цзяньхэ был немного хриплым, он опустил глаза и продолжил есть.

Услышав это, Е Чжицю с улыбкой посмотрел на него и положил в кастрюлю белую редьку и говяжьи шарики.

— В этом бульоне редька будет очень вкусной, — он осторожно опускал овощи, чтобы не обжечь руки паром.

— Давай я, — Цинь Цзяньхэ слегка наклонился и взял на себя работу Е Чжицю.

— Твой дядя порекомендовал тебе ещё какие-нибудь хорошие рестораны? — спросил юноша. Из-за того, что он торопился с едой, на лбу у него выступил лёгкий пот, который блестел на солнце.

— Да, — ответил Цинь Цзяньхэ. — Как-нибудь свожу тебя туда.

— Разве ты не скоро уезжаешь? — сказал Е Чжицю. — Можешь потом написать мне, я могу сходить туда с Ван Жу и остальными.

— Хорошо, — сказал Цинь Цзяньхэ. — Дядя Фу знает много местных китайских ресторанов.

Видя, что Е Чжицю с любопытством смотрит на него, он слегка приподнял уголки губ.

— Потом всё тебе расскажу.

Услышав это, глаза Е Чжицю засияли.

— На самом деле не нужно всё, — сказал он. — Пары-тройки будет достаточно, через несколько дней я уезжаю в Лондон.

Сказав это, он сделал паузу.

— Твой дядя знаком с Лондоном? Если он знает там хорошие рестораны, не мог бы ты также порекомендовать мне их?

Цинь Цзяньхэ рассмеялся и слегка покачал головой.

— Он не был в Лондоне.

Е Чжицю был немного удивлён.

— Он приехал в Нью-Йорк не для того, чтобы путешествовать, — объяснил Цинь Цзяньхэ. — Его бывшая жена и дочь живут здесь.

Е Чжицю: ...

Похоже, всё немного сложно.

Он не стал продолжать расспросы, боясь случайно затронуть какую-нибудь щекотливую тему.

Казалось, Цинь Цзяньхэ понял его мысли и слегка улыбнулся.

— Бывшая жена дяди Фу носит фамилию Ван, — сказал он. — Она очень хороший человек, тётя Ван — всемирно известный торакальный хирург. Они расстались, потому что жили в разных странах, годами были в разлуке, и их чувства постепенно угасли.

Он сделал паузу и добавил:

— Когда мой дедушка заболел, тётя Ван специально вернулась в Китай, чтобы сделать операцию. Сейчас она и моя мама — хорошие подруги, тебе не нужно этого стесняться.

— О, — Е Чжицю медленно моргнул и через мгновение слегка кивнул.

На столе зазвонил телефон. Увидев имя Ци Синя, Е Чжицю невольно перевёл время на китайское. Был час ночи, если тот звонил в такое время, значит, у него было что-то очень

важное.

Е Чжицю продолжал есть и небрежно ответил на звонок, включив громкую связь.

— Сяо Цю, — голос Ци Синя был униженным с самого начала.

— Что случилось? — хотя Е Чжицю и хотел сделать его жизнь невыносимой, но, услышав такой жалкий голос Ци Синя, он всё равно почувствовал сильное отвращение и презрение, и в его голосе естественным образом прозвучало нетерпение.

Перед ним Е Чжицю не пытался казаться лучше, чем он есть, и Цинь Цзяньхэ снова задумался.

— До твоего показа осталось ещё несколько часов, да? — спросил Ци Синь.

Как обычно, прежде чем попросить о чём-то, он сначала выразил свою заботу о парне.

— Да, — сказал Е Чжицю, подув на только что выловленную из кастрюли морскую капусту, его голос звучал повелительно. — Хватит болтать ерунду, говори по делу.

— Ты ешь?

Кажется, услышав шум с его стороны, Ци Синь не удержался и спросил.

— Что ешь? Приготовить тебе рыбу с рубленным перцем чили, когда вернешься?

Е Чжицю: ...

Е Чжицю поджал розовые губы и на мгновение замолчал.

Ци Синь подождал немного и наконец понял, что эти слова тоже попадают в категорию «бесполезных». Он сделал паузу и наконец перешел к делу.

— Послезавтра у нас главный показ. — Сказав это, Ци Синь вдруг остановился.

Услышав это, Е Чжицю тоже перестал жевать.

Хотя Ци Синь не договорил, он уже догадался, что будет дальше. Е Чжицю рассмеялся, его красивые глаза были полны холодной насмешки и презрения.

— И что?

— Дело вот в чем, — Ци Синь говорил с трудом, но, немного поколебавшись, все же продолжил.
— Каждый экспонат нужно зарегистрировать на дизайнера, и я подумал, что ты сейчас работаешь в Q.L., и твое имя, наверное, не очень удобно указывать в других местах. Как ты думаешь...

— Что я думаю? — Спросил Е Чжицю, неторопливо разгрызая мясные шарики.

— Ты не против, если я укажу свое имя? — Ци Синь наконец-то высказался.

Как только он закончил говорить, лицо Цинь Цзяньхэ напротив мгновенно стало холодным.

Внезапно появилась холодная и острая аура.

В воздухе повисла тишина. Е Чжицю медленно доел мясные шарики. Как и ожидалось. В прошлой жизни Ци Синь выдвинул такое требование только после того, как юноша по-настоящему в него влюбился.

В то время они рано поженились и не делили между собой ничего - все было общим. Е Чжицю никогда не был настороже при передаче эскизов. Поэтому намеренная подмена имени модельера Ци Синем не оставила никаких следов.

Но сейчас все по-другому, все материалы Е Чжицю отправляет Ци Синю по электронной почте.

Юноша немного рассмеялся, не зная, стал ли Ци Синь глупее или слишком жаждал победы, или он думал, что Е Чжицю уже глубоко в него влюблен и, естественно, готов пожертвовать собой ради любви?

Наиболее вероятно, что, — Е Чжицю слегка задумался, — Ци Синь считает его контракт с Q.L. его слабым местом.

На его губах появилась улыбка, и через мгновение он медленно сказал:

— Хорошо. - И добавил: — Спасибо, что так обо мне заботишься.

<http://bllate.org/book/14243/1258105>